

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

ПРАВИЛО ХОНТИ ДЛЯ ВЕНГ. *fészek* И ЕГО АНАЛОГ В МАТОРСКО-ТАЙГИЙСКО-КАРАГАССКОМ ЯЗЫКЕ

Корневая часть венг. *fészek* 'гнездо' имеет своими прямыми этимологическими соответствиями фин. *pesä*, морд. *pizǎ*, удм. *puž*, коми *poz* и т. д. (MSzFE 205), т. е. восходит к праформе с интервокальным *-s-. Данная этимология обычно трактовалась либо как свидетельство того, что венг. -sz- является закономерным рефлексом ур., ф.-у. *-s- (см., например, Szinyei 1922 : 36; Collinder 1960 : 99; Alvre 1981 : 78), либо как пример спорадической палатализации *-s- > *-š- с последующим закономерным развитием *-š- в венг. -sz- (Moór 1947 : 41; Hajdú 1966 : 106; Лыткин 1974 : 142). Однако первая из трактовок оставляет без внимания другие случаи рефлексации срединного *-s- в венгерском и, в частности, соответствие ур. *-sz : венг. -a, -ja, -e, -je, -i в формантах 3 л. ед. ч. для лично-притяжательного склонения имен и объектного спряжения глаголов (Hajdú 1966: 133—134, 142—143; Хелимский 1982 : 72, 82), тогда как вторая предполагает сугубо избирательное воздействие на *fészek* такого фактора, как палатальность соседствовавших с *-s- гласных.

Чрезвычайно интересное новое объяснение этой проблемы предложил Л. Хонти (Honti 1983). Считая, что нормальным рефлексом ур., ф.-у. *s как в анлаутной, так и в срединной позициях явилось уг. *θ, развившееся далее в правенг. *h, венг. ø, Хонти объясняет -sz- в *fészek* действием специального фонетического правила частичной ассимиляции между *f- (рефлексом *p-) и *θ- (рефлексом *-s-). Подчиняясь этому правилу, *θ- вместо того, чтобы превратиться в *h-, «вернулось в исходное положение», т. е. дало *-s- (венг. sz).

Можно отметить, что правило Хонти допускает в принципе различные интерпретации и, соответственно, различные артикуляторно-фонетические обоснования в зависимости от того, какова была относительная хронология правенгерских фонетических процессов *p- > *f- и *θ > *h (сколько-нибудь точно датировать каждый из этих процессов по данным заимствований правенгерской эпохи пока, по-видимому, не удастся). Это, однако, ни в коей мере не меняет сути дела. В применении к системе основных фонетических соответствий между уральскими языками правило дает следующую схему рефлексации:

А. ур., ф.-у. *s > венг. sz в положении после *pV-;

Б. ур., ф.-у. *s > венг. ø во всех остальных случаях.¹

¹ Здесь нет необходимости касаться хорошо известных случаев специального или вторичного развития *s в венгерском — например, сохранения промежуточной стадии *h в *hét* 'семь' (под влиянием *hat* 'шесть') или примеров вставки на месте *-s- согласного j для устранения зияния.

Несомненное достоинство правила Хонти состоит в том, что в отличие от существовавших ранее объяснений оно дает нам фонетический закон в самом точном младограмматическом значении этого термина. Никаких исключений, «расщеплений» или «спорадических изменений» фонем предполагать не приходится. Ряд других преимуществ нового объяснения, связанных с реконструкцией общеугорского консонантизма, изложен в статье Хонти.

Многих может, вероятно, смутить то обстоятельство, что, хотя правило Хонти, как и положено хорошему фонетическому закону, не знает исключений, но и подтверждающий его материал исчерпывается единственным словом *fészek*. Действительно, в венгерском языке не обнаруживается ни одного другого корня, который возводился бы к уральской (финно-угорской) праформе вида **pVs-* или к угорской праформе вида **pVð-*. Вполне очевидно, что виной тому не само правило, а объективные обстоятельства: редкость срединного **s* в поддающихся реконструкции праязыковых основах и отсутствие венгерских рефлексов у ряда праформ интересующей нас фонетической структуры (например, соответствий фин. *pestä* 'мыть', *poski* 'щека', *puskea* 'бодать', ср. SKES 530—531, 608—609, 659).

Нехватка венгерского материала, который бы подтверждал историческую достоверность правила Хонти, может быть отчасти компенсирована привлечением типологических аналогов. Уместно обратить внимание на историческую фонетику маторско-тайгийско-карагасского языка (МТК), свидетельствующую об «особом статусе» последовательности фонем **pVs-*, на которую не распространяются общие закономерности рефлексации.

Обычно самод. **p-* отражается в МТК в виде *h-*. Приводимая подборка содержит по одному примеру для каждого из различающихся между собой согласных в инициальной последовательности самод. **pVC-*:

**pīcə* 'стричь' (SW 124) > /hidə-/: МСп *идіямъ* 'стригу', *хиддіямъ* 'волосы стригу';

**pājñä* 'шкура-постель' (SW 115—116) > /hajŋa/: КМ *hainga* 'lectus';

pəktz 'икра, голень' (сельк. Tsch. OO *pahtur* 'Wade') > /huktə/: КП *chúcto* 'лядвья', МСп *охтэ* 'голень';

**pelä* 'половина, кусок' (SW 120) > /hälä/: ММ *hälla-hinde* 'media pox';

**pim-* 'наступить — о ночи' (SW 123) > /him-/: МСп *имдымтчигай-тыгы* 'смеркается';

**peŋ* 'класть' (SW 118) > /heŋ-/: МСп *хеннамъ* 'кладу что-нибудь';

**piñz* 'горноста́й' (Donner 1920: 162—163) > /hüñä~hüjə/: ТМ *hüne* 'hermelin', ММ *húje*;

**pəŋkə* 'черенок, древко' (SW 113) > /haŋga/: МСп *xānga* 'стрела';

**peptän² ~ *piptän²* 'губа' (SW 122) > /hebtit ~ hebti'n/: КМ *höptet* 'labia', МСп *гептынь* 'губа';

**pårkä* 'одежда, шуба' (SW 116—117) > /harga/: КМ *hárga* 'vestis pellicea';

**pätä* 'желчь' (SW 115) > /häädä/: КР *chèdide* 'желчь', МСп *хадыде*;

**pä* 'дерево, лес' (SW 116) > /hä/: ТМ *hä* 'sylva', МСп *ха* 'дерево'.

Этому вполне единообразному материалу противопоставляются три имеющихся примера, в которых самод. **p-* в составе фонемной последовательности **pVs-* имеет рефлексом МТК *b-*:

**pāsl(-)* 'cunnus' (SW 114 s.v. **pāsā* 'Riss'; Иллич-Свитыч 1984: 97) > /*bisigä/* (дериват): ТМ *bischigedä* 'cunnus', КМ *bischigä*, ММ *bischigä*, КП *pisiga* 'женский детородный уд', МСп *бишке*;

**pisin-* 'смеяться' (SW 126 s.v. **pisz-*) > /*bisin-/*: ТМ *pissinschum* 'rideo', КМ *bissinschi*, ММ *bischinnergum*, КП *amgandynbischingas* 'что ты смеешься?', МСп *бижнергамъ* 'смеюсь', *бижингетъ* 'насмешник';

**posā-* 'стать гнилым, трухлявым' (SW 128) > /*bosomo/* (дериват): КП *bósomo* 'гнилой'.

Таким образом, в системе основных фонетических соответствий между самодийским праязыком и МТК следует раздельными пунктами рассматривать фонемную последовательность **pVs-* и прочие фонетические структуры: ситуация принципиально та же, что и при принятии правила Хонти для венгерского языка.

Разумеется, как нетрудно увидеть, конкретная специфика рефлексии последовательности **pVs-* в венгерском и МТК совершенно различна. Можно лишь отметить, что и в том, и в другом случае результирующие фонемные последовательности — венг. *fVsz-*, МТК *bVs-* — оказались более сходными с исходной последовательностью, чем те группы, которые могли бы возникнуть по общим правилам фонетической эволюции — венг. **fVh-* > *fV-*, МТК *hVs-*. Трудно представить, что такое совпадение тенденций к сохранению относительной устойчивости последовательности **pVs-* может быть случайным. Скорее перед нами одна из изученных пока еще очень слабо фреквенталий историко-фонетического развития.²

² На роль универсалии историко-фонетического развития рассмотренное явление претендовать, естественно, не может. Достаточно сослаться на примеры из нганасанского языка, где последовательность **pVs-*, подобно прочим, оказалась охваченной переходом **p-* > *f-* > *h^w-* > *h-* (ср. *hisifā-* 'засмеяться' при самод. **pisin-*), и из нарымских говоров селькупского языка, где она подчинилась общему правилу перехода *s* > *h* (ср. *N pahadšap* 'ich spaltete' при Таз *pasifšo* 'трескаться, лопаться').

Сокращения

КМ, ММ, ТМ — карагаский, маторский, тайгийский диалекты по Г. Ф. Миллеру (см. E. Helinski, Two Mator-Taigi-Karagas Vocabularies from the 18th Century. — JSFOu 81 (в печати)); КП — карагаский диалект по П. С. Палласу (там же); МСп — маторский диалект по Г. И. Спасскому (см. L. P. Potarov, Zum Problem der Herkunft und Ethnogenese der Koibalen und Motoren. — JSFOu 59!); SW — J. Janhunen, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki 1977.

ЛИТЕРАТУРА

- Иллич-Свитыч В. М. 1984, Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p—q) (по картотекам автора), Москва.
 Лыткин В. И. 1974, Сравнительная фонетика финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва, 108—213.
 Хелимский Е. А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели, Москва.
 Alvre, P. 1981, Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid (üksikkonsonandid), Tartu.
 Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
 Donner, K. 1920, Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen, Helsinki (MSFOu 49).
 Hajdú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelv tudományba, Budapest.

Honti, L. 1983, Zur ungrischen Lautgeschichte (Beiträge zur relativen Chronologie einiger Lautwandel in den ungrischen Sprachen). — ALHung. 33, 113—122.
 Moór, E. 1947, A magyar nyelvtörténet östörténeti vonatkozásai. — Nyr. 71, 39—42, 85—87, 151—154.
 Szinyei, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin—Leipzig.

EUGENE HELIMSKI (Moscow)

HONTI'S RULE FOR HUNGARIAN *fészek* AND ITS
 ANALOGUE IN MATOR-TAIGI-KARAGAS

Both in Hungarian and in Mator-Taigi-Karagas the proto-language phonemic sequence *pVs- behaves in a special manner. In Hungarian it results in fVsz- instead of the expected *fVh- > fV- (the only example being that of Hung. *fészek* 'nest' ~ Fi. *pesä*), while the development in Mator-Taigi-Karagas leads to bVs- instead of the expected hVs-. This analogy grants a typological substantiation to the phonetic law proposed in Honti 1983.